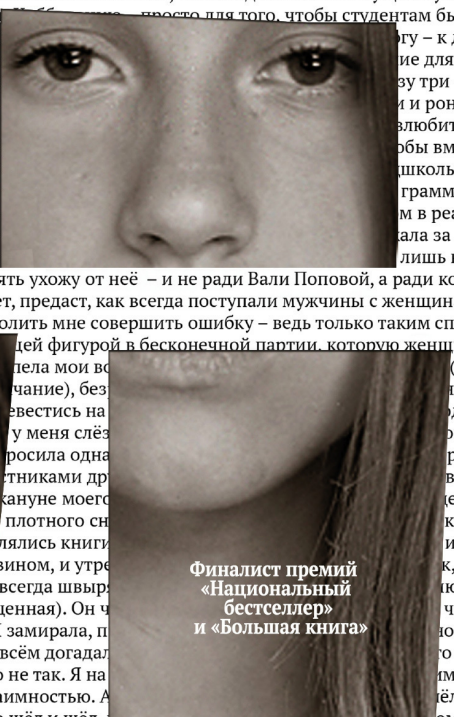

Анна Матвеева спрятанные реки

первом курсе философского, Вали Поповой поступила и я по-прежнему играла на второй скрипке (все остал
Вале). Я не – вторая скрипка была мне по размеру. Английский язык в н
начинался – преподаватель вернётся из Лондона. По тем временам эт
экзотикой – вообще сомневалась в том, что Лондон и Англия существуют
выдумать, к Оз или просто для того, чтобы студентам был
Он вернулся, вбежал – к де
смеялись, о Его ие для т
скопления с как б ву три «Г
На занятия за сто и и роня
декоративными атами злюбить
обаятельными ным. Х бы вмес
смотрел на меня с обожани школы.
советский, архаичный – зву граммам
выражению Андрея («Григо в реал
вообще не было – в школе я ала за с
учительницы. Мой пластил ишь в у
Мама чувствовала, что я опять ухожу от неё – и не ради Вали Поповой, а ради ког
сделает мне больно, обманет, предаст, как всегда поступали мужчины с женщина
понимала, что должна позволить мне совершить ошибку – ведь только таким спос
ей фигурой в бесконечной партии, которую женщи
дела мои во (те
чание), без пи
вестись на оди
у меня слёз ош
росила одна рь
стниками др вст
кануне моего ден
плотного сна кн
повсюду стояли, лежали, валялись книги и м
подставками под бокалы с вином, и утре к, и
(когда Андрей сердился, то всегда швыр подворачивалась не самая ценная). Он члюб
навсегда уехать в Англию. Я замирала, пчтс
В университете быстро обо всём догадало ж
Англичанина, хотя это было не так. Я то «е
ответить на моё чувство взаимностью. А им, и
туда, куда нужно. Он просто шёл и шёл, ому.

Финалист премий
«Национальный
бестселлер»
и «Большая книга»

Анна Александровна Матвеева

Спрятанные реки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27609948

Спрятанные реки : Истории о попутчиках / Анна Матвеева: АСТ;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-111673-6

Аннотация

Анна Матвеева – прозаик, финалист премий «Большая книга», «Национальный бестселлер». Автор романов «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной», «Есть!».

Новый цикл рассказов «Спрятанные реки» – о дороге и людях, которые встречаются нам на пути – жизненном, или просто пути из пункта А в пункт Б. Даже спустя годы герои этой книги помнят тех, кто вовремя сказал нужное слово, протянул руку или случайно разделил с ними горе и радость.

Это книга о жизни как долгом пути к самому себе: все мы пилигримы. Мы можем изменить свою жизнь в любой момент. И это проще, чем кажется. Только нужно набраться смелости и сделать первый шаг.

Содержание

Камин Святого Якова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Матвеева
Спрятанные реки
Истории о попутчиках

Камин Святого Якова
Дневник одного путешествия

Пролог. Екатеринбург

Со святыми у меня всегда было хорошо. Особенно – с католическими. Я их с детства люблю, хотя мы с мамой никакие не католики, да и православными могли себя назвать с большими оговорками. Мы из тех православных, которых истинно верующие выгоняют из храма за то, что без платка и в брюках. Мы на бегу ставим свечку у первой попавшейся иконы (а ведь ходили специально – к Симеону Верхотурскому!) и покидаем церковь под хоровое шипение, заглушающее даже самого голосистого диакона.

В детстве я знакомилась в основном с католическими святыми – и не в храмах, а прямо у себя дома. Листала альбомы по искусству и – знакомилась.

Вот святая Агата. Она держит в руках тарелочку, где лежат её отрезанные груди, и смотрит на них с каким-то удивлением, как будто сама не понимает, что это с ней приключилось. Груды похожи на светильники в нашей квартире, и я этих светильников стеснялась перед подругами, хотя они святой Агаты знать не знали.

Вот святой Пётр с ключом и святой Павел с мечом. Пётр седой, кудрявый, широколицый. Павел тоже седой, но лицо имеет несколько более вытянутое, и борода у него в форме веника. В детстве мне казалось, что святой Пётр похож на Карла Маркса, а святой Павел – на Фридриха Энгельса, но я об этом благоразумно никому не рассказывала.

Вот святая Екатерина с колесом – опирается на него так естественно, как будто это не орудие пытки, а просто нужная в хозяйстве вещь. Вот четыре евангелиста – и каждого сопровождает кто-то крылатый: Иоанна – орёл, Матфея – ангел, Марка – окрылённый лев, Луку – бык с крыльями. Вот бедненький святой Варфоломей, с которого заживо содрали кожу. Святой Христофор с младенцем Иисусом и святой Симеон – тоже с младенцем. Франциска Ассизского в коричневом облачении легко спутать с Антонием Падуанским, но у Франциска рядом всегда животные и птицы, а у Антония – снова младенец, и ещё лилии.

А вот мой самый любимый святой – Иероним, по-итальянски – Джироламо. Он носит красную кардинальскую шляпу и достаёт у льва из лапы занозу. Лев пришёл в мона-

стырь за помощью, заноза ему сильно досаждала. Монахи в ужасе разбежались, но святой Иероним не побоялся хищного зверя и вылечил его. После этого лев стал верно служить Джироламо, но потом, кажется, отбился от рук.

Святой Фома (по-английски – Томас) был любопытным и недисциплинированным: вечно всюду опаздывал, пропустил и Явление Христа апостолам, и Успение Богородицы.

Святой Яков (Сантьяго по-испански) запомнился тем, что носил на шляпе красивую ракушку, немного похожую на те, которые мама привезла с моря. Единственный раз, когда она была на море – без меня и без денег. Поэтому вместо подарков привезла то, что смогла найти интересного, – ракушки, жёлуди, шишки кипарисов, перья каких-то птиц: жёсткие сверху и пушистые, нежные снизу.

Я была тогда в пионерлагере – проплакала всю смену, скучала по маме и не хотела *участвовать*. Участвовать заставляли вожатые, воспитательницы, старшие девочки, но я просто заливалась слезами и считала даже не дни, а часы до конца заточения.

С тех пор я научилась ощущать каждый день: его начало, зенит, закат и уход.

Помню, как мама приехала за мной – до конца смены оставалось два дня, это было нарушение режима, это было и попросту невыгодно – в конце концов, в лагере меня кормили четыре раза в день, а дома у нас иногда не было совсем никакой еды.

Но мы обе уже не могли больше ждать – никого и никогда я не ждала с такой силой, как маму тем летом. Она сильно загорела, на шее у неё были незнакомые деревянные бусы, и я бежала к ней, широко раскрыв руки, запнулась и упала под хохот старших девочек. Я теперь в четыре раза старше самой взрослой из этих девочек, но на колене до сих пор есть шрам – белый и толстый.

А мамы больше нет.

Вот уже пять лет как нет моей мамы. Жди не жди, она не вернётся.

Об этом знают все святые, и лучше других – святой Яков, Сантьяго. Гроб с его останками море принесло к берегам Испании. Маму я похоронила на Северном кладбище – главный вход там похож на футбольные ворота.

Сегодня начинается моё путешествие к святому Якову. Я лечу в Москву, потом в Париж, оттуда – поездом до города Сен-Жан-Пье-де-Пор, и – пешком через Испанию.

Истинно православные скажут, что и в России есть маршруты для верующих. Если так уж хотелось поиграть в паломницу, можно было бы пройти пешком из Москвы до какого-нибудь монастыря.

Но и у буддистов есть такие маршруты. И у мусульман.

Они у всех есть. А я пойду к святому Якову – отнесу ему ракушку из детства: ей почти тридцать лет. Ракушка поблёкла, справа у неё отломан ребристый кусочек, но она по-прежнему пахнет морем. И шумит в ушах родной кровью.

День первый. Москва

Сорок лет – ума нет.

Всё предусмотрела, обо всём позаботилась, прочла и учла советы бывалых. Обязательно разносите обувь, в которой планируете идти на маршрут, – разносила. Возьмите с собой шлёпанцы, пустую бутылку для воды, беруши, спальник и средство от клопов – взяла. Заранее отметила на карте муниципальные «альберги», где паломников ждёт дешёвый ночлег. Целых три года копила мили, чтобы сэкономить на перелётах. Выучила испанский язык – точнее, попыталась выучить, потому что он мне не нравится. Он грубый, сердитый, как будто специально придуман для хриплых, севших голосов. Но слов двести я усвоила и спросить дорогу до ближайшего альберго уж точно сумею.

Я бросила курить и три года ходила пешком на работу в любую погоду. Мы живём, то есть теперь уже я одна живу на улице Амундсена, а работаю на Вторчермете, и это не ближний свет.

Я коротко постриглась и никак не могла привыкнуть к своему отражению – поэтому решила, что буду отныне смотреться в зеркало лишь в самых крайних случаях.

В общем, я продумала каждый шаг этого месяца – выбранного после долгих раздумий апреля, когда на пути Святого Якова – «камино де Сантьяго» – всё-таки теплее, чем зи-

мой, а туристов не так много, как летом. Я оставила ключи от квартиры соседке, чтобы поливала цветы. Отвезла ко-та коллеге. Оплатила все счета. Приладила к отпуску давно собранные отгулы – и они соединились так легко, как будто были частичками одного пазла. Начальница Александра Павловна долго сидела над моим заявлением, но не найдя, к чему придраться, поставила свою подпись – лихой росчерк на полстраницы.

Я только одного не учла – крохотной ямки на московском асфальте. Ступила в неё доверчиво, не глядя – потому что взгляд мой был прикован к блестящему куполу какого-то храма. Куполок был ни дать ни взять конфета трюфель в золочёной фольге – об этом я думала, пока спотыкалась и падала. Результат: левое колено свезено до алого мышечного шёлка. Правую ногу я подвернула так, что удар пришёлся на косточку лодыжки. Она сильно распухла ещё до того, как я со своим рюкзаком доплелась наконец к тётке Юле в Строгино.

На самом деле тётя Юля мне никакая не тётя, а просто старинная мамина подруга, которая переехала в Москву лет сорок назад, как раз когда я родилась. Своей семьи у тётки нет, и поэтому она сразу же стала мне второй мамой. Баловала меня, воспитывала, наряжала. Все модные вещи, которые были у меня в юности, приехали с okazji из Москвы – и сапожки-дутики, и теннисная сумка из клеёнчатой ткани, и кроссовки «ТОМИС».

Я ещё из лифта не успела выйти, а тётя Юля уже вручала мне какие-то подарки.

– Ничего с собой не возьму, то есть возьму, но на обратном пути, – отбивалась я.

В квартире пахло приготовленной по всем правилам печеню в сметанном соусе.

Идею пойти пешком в Сантьяго тётя Юля решительно осуждала. Дело было даже не в том, что это чужие католические мощи, – у тёти достаточно широкие взгляды. Дело в том, что тётя боялась потерять ещё и меня – и остаться в этой жизни в совершенном одиночестве. В мою физическую форму она не верила – считала, что я *обезножусю* в первый же день.

Мамину смерть мы переживали вместе и так и не пережили до конца. Во всяком случае, я.

Первые месяцы перезванивались каждый день. Тётя Юля спрашивала:

– Не снилась сегодня?

Так буднично, как о погоде или пенсии.

Мне мама снилась редко, зато тётю Юлю посещала исправно – и я звонила в Москву, чтобы узнать, как у неё *там* дела. Глупость несусветная, но мне становилось легче, когда тётя рассказывала – красочно, с подробностями, – что они с мамой во сне делали, о чём говорили и как мама выглядела (обычно – хорошо).

А мне если вдруг и выпадал счастливый сон, где я снова

видела маму, то я прямо там, во сне, сомневалась, точно ли это она? Потому что мама во сне всегда немного отличалась от моих воспоминаний и от своих фотографий: то ростом была почему-то меньше, то причёску вдруг носила другую, то ещё какая-то неточность выплывала на первый план, и я мучилась от неспособности радоваться нашей встрече – такой короткой и долгожданной. Просыпалась – и ругала себя последними словами, а потом звонила тётке Юле и слышала очередное:

– А мы сегодня с Ленкой по грибы ходили!

Где-то он был, недоступный мне мир, где мама была жива и смеялась, прикрывая рот ладонью (в детстве внушили, что так приличнее), – и быстрее всех собирала грибы.

Я вот ни одного гриба в своей жизни не нашла.

– Ну и какой из тебя походник? – сердилась тётя Юля. – Давай раздевайся, обработаем твои ранения.

Свезённое колено к ночи почти перестало ныть, а вот правая лодыжка распухла ещё сильнее.

– Пока к доктору не сходишь, никаких тебе святых! – сказала тётя Юля.

Хочешь быть молодой – навещай стариков.

Мама мне сегодня не приснилась.

День второй. Москва

У врача, к которому меня записала тётя Юля, наверное,

диабет.

Он высокий, полный и, судя по всему, плохо видит.

Когда доктора тоже чем-то болят, это делает их человечнее.

По моим наблюдениям, самые высокомерные люди – это врачи и переводчики. Вместе со своими познаниями они получают гордость за себя и пренебрежение к тем, кто ими не обладает.

Врач ничего не говорил, только сопел, когда я рассказывала ему про ямку на асфальте. А когда услышал о камино, то слегка поднял брови – возможно, что на его эмоциональном языке эти брови означали крайнюю степень удивления.

– Вам не камино требуется, а камин. Лежать в тепле и покое, лечиться! – неуклюже пошутил доктор и тут же сменил тон: – Вот так трогаю – больно?

– Больно, но не очень, – сказала я.

– А вот так?

– Ой, вот так лучше не трогать совсем!

Доктор снова поднял брови.

– Давайте-ка на рентген – в двух проекциях. И снова ко мне, со снимочком.

Рентгенолог укладывала меня на столе, как курицу на противне – любовно поправляла так и этак. Свезённая вчера колленка вдруг снова заныла – видимо, чтобы составить компанию лодыжке.

– Не двигаемся, женщина! – сказала рентгенолог, и я по-

слушно застыла под свинцовым фартуком.

Потом на пути в кабинет рассматривала *снимочек*. Даже моих убогих познаний в медицине хватило, чтобы понять – маленький фрагмент косточки оторвался и висит теперь, точно космонавт в невесомости.

(Между прочим, какие у меня красивые кости! Обычно ведь нет повода ими любоваться.)

Доктор глянул на снимок мельком – и принялся строчить на листке со штампом. Никогда не видела, чтобы люди так быстро писали!

Я терпеливо ждала.

– Больничный нужен?

– Нет, спасибо. Я в отпуске.

– Вот это хорошо! – обрадовался врач. Ещё что-то черкнул в листе назначений, потом достал из кармана халата личную печать.

– Так что же у меня такое? – насколько могла весело и беззаботно спросила я.

– Апикальный перелом наружной лодыжки с отрывом таранно-малоберцовой связки справа. Никаких вам пеших переходов!

Чёрный носок без пятки называется красивым словом «ортез» – его шнуруют, как коньки, и носят целый день, не снимая. Ещё надо купить ортопедические стельки. На лодыжку утром и вечером наносить аэртал, трижды в день пить

таблетки трёх видов и не поднимать тяжести больше чем в пять килограммов (мой рюкзак весит десять).

– Если срастётся неправильно – будут оперировать, – предупредил меня доктор. – Вы очень рискуете! Какая-то у вас нетипичная для вашего региона безответственность.

Видимо, у него много знакомых уральцев, и все как на подбор – ответственные.

Я подписала кучу бумаг: отказ от госпитализации, гипса, костылей и здравого смысла.

Брови у доктора теперь уже вообще не опускались – так и зависли на линии волос, пока он составлял для меня альтернативный план лечения. Тот самый – с носком-ортезом, стельками, таблетками.

Доктор ещё раз дыхнул на личную печать – и прижал её к бланку с рецептом. Я подумала, что это похоже на штамп в паспорте паломников, который я получу послезавтра в Сен-Жан-Пье-де-Пор.

Из кабинета вышла с фальшивой улыбкой на лице. Тётя Юлия пыталась прорваться к доктору, чтобы узнать всё из первых уст, но её очень вовремя отеснила нервная женщина с худеньким подростком.

– Мы на пятнадцать сорок! – сказала женщина, и я чуть было её не расцеловала, но вовремя отскочила, чтобы не получить ещё и дверью в лоб.

– Обошлось малой кровью, перелома нет, здорова, – вдохновенно врала я на пути в ортопедический салон. Там были

приобретены стельки и тот самый носок-ортез, выглядевший так эротично, что я призадумалась, не купить ли второй. Потом – в аптеку. Потом домой – ужинать и выдвигаться в сторону аэропорта.

В метро тётя Юля странно притихла. Сидела рядом со мной такая маленькая, что мне в какой-то момент показалось, это мой ребёнок – девочка в беретке с помпоном.

– А давай я с тобой пойду в этот самый поход? – осенило её, когда я уже садилась в экспресс до Шереметьева.

– У вас нет визы! И это не поход, а паломничество!

Тётя Юля, как это было заведено у них с мамой в молодости, махала мне вслед, пока я не скрылась из виду. Не было нужды снова и снова оборачиваться, чтобы проверить – она стоит там в своём беретике и машет.

День третий. Париж

Шереметьевских пограничников чрезвычайно заинтересовал носок-ортез – в него с двух сторон вставлены железные держатели, которые любому покажутся подозрительными. Целый консилиум собрался над моим носком. Обсуждали, можно ли использовать его в качестве оружия, если под руку не попадётся ничего более достойного. К счастью, я вспомнила, что у меня с собой есть справка от доктора, чек из ортопедического магазина и, главное, распухшая лодыжка – предъявив все эти сокровища по очереди, я всё-та-

ки прошла предполётный досмотр и долго шнуровала потом злосчастный ортез в целой компании мужчин, застёгивающих ремни на брюках. Давно позабытое зрелище... Я даже вспомнила – мельком, невсерьёз – Леонида, с которым у меня был недолгий роман на третьем курсе. Это имя – Леонид – мне никогда не нравилось. Какое-то оно мягкое, бескостное... Мужскому имени нужна буква «р». А женскому – «л». Наши имена – мамы, тёти, моё – все с буквой «л».

Лодыжка часто пульсировала, как будто бы туда переселилось сердце. За иллюминатором сияла Москва – ночным электрическим солнцем. Где-то там, в Строгине, сидела тётя Юля, сгорбившись за кухонным столом. Пора ложиться спать, но она не ляжет, пока не дождётся моего звонка из Парижа.

– Мы с Ленкой тоже всё собирались в Париж, – сказала она вчера. – Да никак не совпадали по времени.

Мужик в соседнем кресле крепко спал, но даже во сне норовил спихнуть мой локоть с нашего общего подлокотника.

В Париже на паспортном контроле меня спросили, с какой целью я прилетела во Францию. И когда пограничник услышал, что я собираюсь пройти путь Сантьяго, то уважительно сказал: «О-ля-ля!»

Я ещё никогда раньше не слышала, чтобы живые люди – а не книжные герои – говорили «о-ля-ля». Мне нравится это выражение, в нём звучит моё имя.

Позвонила тёте Юле, потом села в поезд и доехала пря-

миком до Северного вокзала, как объясняли на сайте паломников. Оттуда – одна пересадка до вокзала Сен-Лазар (святой Лазарь, восставший из гроба, – на картинах из альбомов все вокруг зажимают носы, страдая от запаха). Приняла таблетки, запив водой из-под крана в туалете. И села в поезд до Байонны. Пассажиров, на моё счастье, немного: я смогла снять ботинки и закинуть ноги на противоположное сиденье. Опухоль даже не думает спадать. За окном темнота, а поезд несётся так быстро, что я не успеваю читать названия станций. Пишу в дневнике корявыми буквами.

На ужин съела бутерброд, сделанный в Москве заботливыми руками тёти Юли.

День пятый. Байонна

Парижа я не видела, зато Байонну посмотрела вот просто очень хорошо, жаль, что против своей воли. Я собиралась сразу же поехать отсюда в Сен-Жан-Пье-де-Пор, но водители автобусов бастовали. Поэтому пришлось снять номер в гостинице – самой дешёвой, какую нашла. Комната облезлая, с устойчивым ароматом мышей, вода в унитазе журчит, углы в паутине – в общем, дворец! Зато цена хорошая. Женщина, которая выдаёт ключи, настояла на том, чтобы показать мне комнату, прежде чем я соглашусь в ней остаться – видимо, многие сбегают при более близком знакомстве.

– Мы бедные, – с каким-то вызовом сказала женщина,

вручая мне ключ – тоже изрядно поживший, с многолетней грязью в бороздке. – Если вам нужна роскошь, ниже по улице есть «три звезды».

Я поспешила её заверить, что не нуждаюсь в роскоши и меня совершенно устраивает эта комнатка с пятнами на покрывале, о происхождении которых лучше не думать. Женщина смягчилась и пожелала мне спокойной ночи. Профиль у неё был немного вогнутый, лоб и подбородок сильно выдавались вперёд, как у полумесяца с человеческим лицом из детских книжек.

В душ я идти побоялась. Чуть-чуть ополоснулась прямо под краном и легла, постелив на страшное покрывало свой спальник.

Ночью по комнате совершенно точно бегали мыши – я слышала их попискивание, но решила не включать свет: увижу мышь и расстроюсь, а идти всё равно некуда. Ну и вообще, мыши здесь живут исторически, это коренное население беззвёздной гостиницы, и у них больше прав по сравнению со мной.

Маму передёрнуло бы от омерзения, она мышей всю жизнь свою боялась – и котов мы держали именно поэтому. А тётя Юля сказала бы, что надо уметь читать знаки судьбы: «Значит, не так уж хочет святой Яков, чтобы ты к нему шла – поэтому ногу сломала, поэтому автобусы бастуют, а в гостинице – мыши».

Я мысленно успокоила маму и так же мысленно поспорила

с тётей Юлей: это не святой Яков со мной борется, а кто-то совсем не святой пытается свернуть меня с пути. Потом распечатала коробочку с берушами, крепко заснула и спала до утра.

В утреннем свете комната выглядела ещё хуже, чем вечером, при раскалённой, сильно пахнувшей лампочке. Стены тоже были в пятнах, уборку тут не делали много лет, возможно, что и никогда. Я умылась, снова не узнав себя в зеркале с короткой стрижкой, – и потом минут десять разговаривала с больной ногой:

– Заживай, пожалуйста, скорее. Я о тебе позабочусь. Я буду тебя мазать аэрталом, буду принимать таблетки, носить ортез и стельки... Ты столько лет мне верно служила, и что тебе вдруг пришло в голову ломаться на ровном месте? Не понимаешь, как для меня важно это путешествие? Если ты немедленно не заживёшь, я тебе такое устрою! В больницу хочешь? На операцию?!

Нога виновато молчала, а потом вдруг заныла с такой силой, что мне стало мучительно жаль эту свою часть, и я гладила её, как совершенно постороннее страдающее существо. Думала, что только так мы и можем любить себя, отделяя заболевшую часть, наделяя её самостоятельностью.

Когда я выходила из гостиницы, женщины-полумесяца на месте не было – там сидел мужчина-солнце, улыбчивый и круглолицый. Он посмотрел на меня так, как будто отвык от того, что у них здесь бывают жильцы. И удивлённо спросил:

– Хотите кофе?

Конечно же, я согласилась. Я иногда думаю, что живу для того, чтобы пить кофе. Когда началась та колготня с импортными поставками и санкциями, я испугалась, что у меня больше не будет возможности пить кофе, – и со страху накупила столько «Лваццы», что мне её, наверное, до смерти хватит.

Присказку про смерть часто повторяла учительница истории в моей школе. Рослая женщина с хорошей осанкой и чуточку съехавшими набок париком и рассудком, она не могла сосредоточиться ни на одной теме – что первобытно-общинный строй, что Ренессанс неизбежно выводили Людмилу Михайловну к рассказам о себе, любимой.

– Платьев у меня много, – говорила она классу, – до смерти хватит. Разве что туфли куплю – пару. Или две.

Я улыбнулась, вспомнив историчку и её *несносные* платья.

Мужчина-солнце аккуратно поставил передо мной крохотную чашечку:

– На камино собрались?

Мы говорили по-английски, он был одинаково плохим что у него, что у меня. Я из каждого языка знаю по чуть-чуть, иностранные слова слеплены в голове в линялый пластилиновый ком, какие получались в детстве у меня и у других детей, начисто лишённых творческих способностей. Такие дети бессмысленно разминали жёсткие, плохо пахнущие брусок советского пластилина, прилипавшие к рукам, – един-

ственным достоинством их была изначальная геометрическая нетронутость и глубокие, ровные насечки сверху: их нестерпимо хотелось сцарапать... Что бы ни мечтала слепить – в итоге всегда получался неровный коричневатосерый ком: эти цвета побеждают не только в природе, но и в искусстве. Вот и с иностранными языками у меня похожая история – когда нужно говорить, например, по-немецки, от линялого кома отделяются английские слова, но если нужны английские, память услужливо подсовывает испанские. Хорошо, если собеседник говорит так же плохо, как ты – у вас больше шансов понять друг друга. Мужчина-солнце – воплощённая любезность! – сам же на свой вопрос и ответил, пока я рылась в памяти, отшвыривая в сторону ненужные испанские глаголы:

– Глупый вопрос, куда же ещё... Рюкзак, спальник... А правый ботинок сломался, видели?

Он так и сказал – сломался, *броукен*. На самом деле у ботинка начала отходить подошва. И явно не собиралась останавливаться на достигнутом.

Я расплескала кофе и второй раз в жизни услышала, как живые люди говорят «о-ля-ля».

– Неужели в таком большом городе, как Байонна, нет обувной мастерской? – приставала я к прохожим, и прохожие, потупясь, говорили, что, конечно же, есть – одна как минимум, вот только именно сегодня она закрыта. А другую, видимо, перенесли в другой район. А в третьей – аварийный

ремонт.

В поисках обувной мастерской я обнаружила часовой магазинчик, лавку мясника, детский сад с аппликациями на окнах и диким хорovým ором внутри, а также заведение, торгующее костюмчиками для кошек и собак. Попутно осмотрела местный Нотр-Дам с двумя острыми башнями – они торчат за домами как будто тем подставили «рожки» – и раза три перешла реку по мостам, так и не разобравшись, что это за река – Нив или Адур. Байонна находится в месте слияния этих рек, и в другое время я непременно нашла бы это место и вообще долго гуляла бы с наслаждением по узким улицам, любуясь фасадами старинных домов – их тёмно-красными, томатно-перечными ставнями, напоминавшими подсохшую кровь. Я научилась бы произносить слово «баскский», не запинаясь о двойное «ск», купила бы в супермаркете картонную упаковку с супом гаспачо и пила бы его в тени гигантского платана, глаза на красно-зелёный «лабуру» – этот символический крест из лепестков-запятых украшает в Байонне едва ли не каждую вторую стену. Кому-то он напомнит свастику, но я бы увидела в лабуру детскую вертушку на палочке – с такими в конце семидесятых ходила добрая половина детей СССР.

Всё это я сделала бы в другое время с огромным удовольствием, но только не сегодня, когда нога просила пощады и нужно было срочно разобраться с ботинком. В конце концов, когда до автобуса оставался лишь час, я набрела на ма-

газин, где продавалось «Всё для лодок и катеров». Купила специальный лодочный клей (продавец убеждал меня, что этот клей может склеить что угодно с чем угодно – и украшал свой рассказ красноречивыми жестами) – и прямо на автобусной остановке под заинтересованными взглядами других паломников приклеила подошву. Положила ботинок на самое дно рюкзака, утрамбовала все свои вещи и прихлопнула их сверху путеводителем.

В автобус я входила победительницей – правая нога в ортезе и пока что целом ботинке, левая – в шерстяном носке. Довольнее меня выглядел только водитель автобуса: видимо, забастовка принесла желанные плоды.

Шерстяные носки на камино приходится носить даже в самую адскую жару – синтетика и хлопок натирают ноги. Об этом я тоже заранее прочитала в дневниках бывалых людей: жаль, что никто из них не написал о переломах лодыжки и обувных мастерских в Байонне.

Автобус оказался битком набит людьми с рюкзаками и решимостью во взоре. Я понимала, что не одна буду идти по маршруту, но мне и в голову не приходило, что желающих окажется столько. А ведь это лишь один автобус из многих!

Я достала из кармана куртки мамину ракушку. Снаружи, в её основании самой природой была нарисована как бы ещё одна маленькая ракушечка, из которой разбежались лучи.

– Это разные дороги к Сантьяго, – сказал мужчина, сев-

ший со мной рядом. Он смотрел на раковину, и я тоже вдруг увидела, что выпуклые лучи на ней сходятся в одной точке и напоминают разные дороги, ведущие к одной цели.

День шестой. Сен-Жан-Пье-де-Пор

– Вообще-то право на эту ракушку надо заслужить, – сказала Белла. Мы стояли в очереди за «креденциале» – паспортами паломников. Очереди были как из советского прошлого, если в универмаге вдруг *выбрасывали* дефицит. А ведь я представляла себя в гордом одиночестве на живописной пустынной дороге... Знакомиться, общаться, даже просто перебрасываться дежурными фразами не хотелось, но Белла сама ко мне подошла. Высокая крепкая женщина с породистым носом, «швейцарка украинского происхождения». Она бойко говорила по-русски, но это был рудиментарный язык, щедро приправленный фрикативными украинскими звуками и французским акцентом. Белла сказала, что идёт уже во второй камино, первый они прошли вдвоём с другом, они уже год как не вместе.

– Мы шли тогда по берегу океана, там очень красиво... А ракушку ты рано взяла. Надо пройти хотя бы треть маршрута, прежде чем заслужить право на символ святого Якова.

Я не стала объяснять, что у моей раковины своя история, а просто спрятала её в карман. Я не хотела заводить дружбу с Беллой или даже с тем довольно приятным мужчиной, кото-

рый сидел вчера рядом со мной в автобусе, а сейчас стоит в самом начале очереди за паспортами. Он дружелюбно улыбнулся мне, когда я вошла в офис пилигримов, но не предложил встать с ним рядом. Он, скорее всего, британец – говорит на таком чистом и аккуратном английском языке, как умеют говорить только люди с обучающих пластинок. Мы не познакомились. Я не хочу ни с кем знакомиться и чувствую нечто вроде неприязни ко всем этим людям с туго набитыми рюкзаками – как будто они присвоили мою мечту.

Мама, мысленно, тут же начала утешать меня: не огорчайся раньше времени, ведь дорога ещё даже не началась! Тётя Юля ворчливо добавила: и не будь такой букой – подружись с Беллой и обязательно обрати внимание на левую руку англичанина, а вдруг он не женат?!

– Привет, девушка с ногой! – англичанин, проходя мимо нас, победно поднял вверх свеженький кретенциале. Эта нарядная книжечка состоит из множества пустых разграфлённых страничек: каждая графа ждёт штампа, свидетельства о том, что ты действительно прошёл 776 километров со всеми 33 остановками. Англичанин уже получил первую отметку – Сен-Жан-Пье-де-Пор, его паломничество началось. А мы всё ещё стоим в очереди.

И что это такое – *девушка с ногой*? Ну ладно, положим, *девушку* я одобрила, но зачем акцентировать внимание всей очереди на моём ортезе, игриво выглядывающем из-под штанины? (Ботинок, кстати, молодцом, точнее, клей для ло-

док – молодец, подошва держится как миленькая.)

– У тебя что, ушиб? – спросила Белла. Как многие бывшие соотечественники, она сразу же была со всеми на «ты».

– Да, неудачно упала.

– Ой, трудно тебе будет... – протянула Белла. – И здоровый-то не каждый сдюжит, в день по двадцать кэмэ шагать...

– Она справится, – сказал англичанин, и мы вздрогнули, Белла и я. Мы ведь говорили по-русски, а он вмешался в разговор со своим чеканно-выпуклым английским так кстати, будто понял, о чём идёт речь. – Джо, – он прижал к груди левую ладонь, и ни на одном пальце, тётя Юля, не было никаких колец. А имя подходило ему каждой своей буквой. Джо. Голос Кокера – или Дассена. Коварство индейца... Я ещё много чего могла бы придумать, но очередь вдруг стремительно ускорила, потому что в офис пришли новые сотрудники. Когда мы с Беллой получили свои кретенциале, никакого Джо здесь уже не было.

Белла между тем не собиралась меня покидать.

– Ты что, без палок? – возмущённо спросила она.

Такие люди, как Белла, – надёжные спутники, хорошие друзья и заботливые родственники, но терпеть их рядом с собой, святой Яков не даст соврать, тяжело. Идти 776 километров с 33 остановками в компании всезнающей Беллы? Это всё равно как нести на себе ещё один рюкзак. Проще было остаться дома.

Хотя насчёт палок она права. Почти все пилигримы, про-

ходившие перед моими глазами в это утро (многие наверняка уже добрались до Испании, пока мы торчим в Сен-Жан-Пье-де-Пор!), имели при себе хотя бы одну палку для ходьбы, а многие, как Белла, запаслись двумя.

Я решила, что отправлюсь в путь без палок, а если почувствую, что без них тяжело, куплю себе пару в Испании. Будут же на маршруте крупные города.

Белла неодобрительно пожала плечами.

Так началось моё паломничество – в одиннадцать утра (вместо намеченных семи), в ненужной компании, с подорванной верой в удачу.

Мы вышли из Сен-Жан-Пье-де-Пор через старинные ворота паломников, и я подумала, что так и не разглядела толком этот красивый городок, названный в честь святого Иоанна. Наверное, Иоанна Крестителя – обычно художники изображали его босым, косматым – или вовсе без головы, – в рубище, с ягнёнком. Апостол Иоанн – совсем другое дело. Этого красивого юношу с мечтательным взглядом запечатлевали во вдохновенном одиночестве, когда он записывал Откровение на острове Патмос под присмотром своего символа – орла.

Через три километра мы увидели знак – жёлтую стрелу, нанесённую краской на стену. Эти знаки будут сопровождать нас до самого Сантьяго. И ещё символические изображения раковины, похожие то на веер, то на комету, то на растрёпанную плётку.

Дорога была как на компьютерной заставке – зелёные холмы, голубые небеса, лошади с лохматыми чёлками... День стоял ясный, стало довольно жарко. Нога вела себя прилично, ортез почти не натирал, но мышца под ним слегка пульсировала, как бомба с часовым механизмом.

Я пишу эти строки на нашем втором привале. Белла давно дожевала свой сэндвич и томится, ожидая, пока я закончу, – а я всё надеюсь, что она догадается оставить меня одну.

Одной, впрочем, так и так не остаться – и впереди, и позади нас постоянно идут пилигримы. Молодые, старые, одинокие, парами, мужчины и женщины всех рас и характеров, в брюках и шортах, с палками и рюкзаками...

Белла похожа на одну мою школьную подружку – у нас с той Людой не было ровным счётом ничего общего, кроме пренебрежения, которое испытывали к нам другие девочки. Люда упрямо ждала меня в школьном дворе, чтобы вместе идти домой и молчать – так же молча мы проводили вместе перемены и жевали запеканку в столовой. Классе в пятом Люду перевели в другую школу, и я довольно сильно скучала о её молчаливом присутствии.

Ноги гудят и тикают. Начала отклеиваться левая подошва. Солнце печёт, как в июле.

На некоторых местах для привала установлены солнечные батареи, чтобы можно было зарядить телефон.

День седьмой. Ронсеваль. Место битвы Роланда с наваррскими басками и, предположительно, место моей смерти

Если вам когда-нибудь придёт в голову дурная мысль отправиться пешком в Сантьяго, гоните её прочь. В случае, если я не сойду от усталости и дикой боли в ноге, продолжу писать завтра.

На сегодня всё.

День восьмой. Зубири (или Субири – не знаю, как правильно)

Когда сидишь дома за компьютером и двигаешь курсором по дорогам гугловских карт – это одно. Когда идёшь по тем же самым дорогам в реальности – это совсем, совсем другое.

Дороги ведут себя непредсказуемо. Они поднимаются вверх и срываются вниз. Под ногами – то камни, то лужи, то песок. Солнце жарит – плохо. Солнца нет – тоже плохо. Ты заходишь куда-то в облако, и рядом парят орлы, потому что ты поднялась высоко в гору безо всякой уверенности, что это та самая гора и ты не ошиблась направлением. Самое страшное в пути – сделать лишний крюк и добавить к обязательным километрам несколько лишних. Орлы молчат. Подсказ-

ки – жёлтые стрелы и спины пилигримов – вдруг исчезают, и ты нервничаешь, пока вдруг не выйдешь из облака и не увидишь заветную «ракушку» на стене заброшенной хижины. На обочинах, то здесь, то там, – кресты, могилы паломников, так и не добравшихся до цели. Сжимаешь в кармане ребристую ракушку, на которую у тебя нет прав, – и шагаешь дальше, хотя больше всего на свете тебе хочется вернуться домой.

Так дорога превращается в путь. Камино в переводе с испанского – не «дорога», но именно «путь».

Мы давно в Испании. Я по привычке говорю «мы», хотя Белла оставила меня сегодня утром в Субири – и я совсем не рада этому. Но ей нужно идти быстрее, иначе она «не уложится в отпуск». А мы с ногой – плохие спутники. Нога каждые пять километров требует остановки, аэртала и душевных разговоров, переходящих в прямые угрозы. Поэтому Белла ушла на рассвете с самыми ранними пилигримами, которые не терпят людских пробок на дороге. А я завтракаю в альберго – паломнической общаге, где не уснуть без берушей, – и попутно проверяю подошву на левом ботинке (я приклеила её вчера вечером). Вроде бы держится. И я вроде бы держусь.

Первый день пути стал самым тяжёлым, как и обещали в путеводителях. Белла предложила выбрать из двух дорог ту, что «красивше». Красивая дорога носит имя Наполеона, и для того, чтобы преодолеть её, нужны навыки если не альпи-

низма, то скалолазания. Нет, лучше было отправиться вдоль шоссе через Валькарлос. Поздним умом все крепки, вздыхает мама в моих мыслях. Постоянный уклон вверх на протяжении двадцати километров!

Белла оказалась отличной спутницей. В первый же час рассказала мне свою историю: эмиграция в девяностых, неудачное замужество, сейчас одинока, живёт в городе Ньон близ Женевы, работает в кафе. Выговорившись, она замолчала – проявила готовность слушать. Я этой готовностью не воспользовалась, но, когда Белла предложила мне взять у неё одну палку, согласилась. Без этой палки я не прошла бы дорогу Наполеона – действительно очень живописную. Горы, долины, вольные лошадки, спины пилигримов, шаги за спиной... Не люблю, когда меня обгоняют, – и ещё терпеть не могу, если вдруг равняешься с кем-то на тропе, и надо или отстать, или прибавить шагу.

Пилигримы и сами разные, и ведут себя по-разному. В начале пути мы постоянно встречали одних и тех же людей – я стала их узнавать. Скандинавского вида девушка в жёлтой юбке. Кореец в сандалиях – обе почему-то левые. Пожилая супружеская пара – такие загорелые, высохшие и похожие друг на друга, как будто их вырезал из древесных корней один и тот же скульптор. Юноша в футболке с бразильским флагом – он постоянно снимал себя, идущего, на телефон и что-то рассказывал: наверное, вёл блог о путешествиях. Я смотрела такие блоги дома, они научили меня всему, кроме

главного.

Обычно пилигримы здороваются, желают друг другу «бу-эн камино». Некоторым непременно нужно познакомиться и рассказать тебе свою биографию. Белле я открыла всё, что сама про себя знаю. Сорок два года, русская, не замужем, детей нет. Работаю в библиотеке. На самый важный вопрос, который пилигримы если и не задают, то обязательно имеют в виду, ответа нет. А вопрос звучит так: «Зачем ты здесь?»

Ещё неделю назад я ответила бы без запинки – потому что смертельно тоскую без мамы. Потому что никого другого в своей жизни я так и не смогла полюбить сильнее. Потому что я одинока и это одиночество – как неизлечимая болезнь.

А сейчас я не знаю, плохо ли было тосковать в комфорте и уютно болеть одиночеством? Надо ли гробить своё здоровье (я ведь помню про операцию, которой пугал меня толстый доктор) на пути к чужому святому?

Белла сказала: вообще-то святой Иаков нам, православным, не чужой. Белла из воцерковлённых, имя при крещении – Августа. Посещает храм в Женеве, держит пост, исповедуется, причащается. На влажной коже декольте лежит крестик, будто приклеенный к телу.

Я со своими искусствоведческими познаниями о религии стыдливо молчала. Белла-Августа рассказывала: Иаков Зеведеев был одним из двенадцати апостолов и единственным, чья мученическая гибель описана в Новом Завете. Сын Зеведея и Саломеи-повитухи, он был к тому же родным братом

Иоанна Богослова (который с орлом). До того как последовать за Христом, Иаков и брат его Иоанн были рыбаками. Иаков был убит мечом в Иерусалиме, в 44 году – то ли по приказанию царя Ирода Агриппы, то ли прямо его собственными руками. Тело будущего святого положили в лодку и пустили по морю, и лодка приплыла в устье реки Улья, где вырастет впоследствии город Сантьяго-де-Компостела. Что значит «Компостела», моя спутница объяснить не смогла – и явно взяла себе этот промах на заметку. Зато она точно знала, когда отмечают день памяти святого Иакова – 13 мая.

– Тринадцатого мая мне надо быть в Сантьяго кровь из носу, – сказала Белла, и я порадовалась, что за долгие годы жизни в Швейцарии она не забыла язык народов СССР.

В тот первый день, завершение которого я помню с трудом – потому что передвигалась на автопилоте, и на поворотах меня заносило вместе с рюкзаком, – мы пришли в альберго Ронсевалья, когда все прочие пилигримы давно спали (в массе своей люди камино ложатся спать рано). Белла беспокоилась, что свободных мест не будет, но мужчина-администратор сказал, что две койки чудесным образом освободились: слава святому Иакову! Мы получили по штампику в креденциале и заполнили анкеты, где надо было в числе прочего ответить на вопрос – с какой целью вы пустились в путь?

Я оставила эту графу свободной. Что написала Белла, не знаю: она прикрывала свой лист ладошкой, как хорошистка прикрывает контрольную от двоечницы.

Альберго представлял собой довольно новый и чистый корпус, где комнаты похожи на отсеки в плацкартном вагоне: у меня была койка в конце «вагона», у Беллы – в самом начале.

Мужчины и женщины живут здесь вместе, обувь надо снимать при входе и ставить на полку: запах там стоит такой крепкий, что его можно использовать вместо нашатыря. Я, во всяком случае, сразу взбодрилась. Белла пошла в душ, но у меня уже не было сил на такие подвиги – открыла дневник, в темноте, на ощупь накарябала там пару строчек, а потом стащила с ноги ортез и рухнула на свою койку. Последнее, что я помню в тот день, – как музыкально, почти красиво храпела женщина с соседней полки.

Утром храпуны уже не было, вообще никого не было, кроме терпеливой Беллы – она вежливо покашливала, ожидая, пока я очнусь. Нога предлагала никуда не ходить, остаться в Ронсевале на веки вечные – или хотя бы до вечера, но я собралась с силами, и мы всё-таки вышли из альберго. Нас обгоняли новые путники. Белла говорила, что, по-хорошему, пилигриму надо бы ещё и осматривать достопримечательности:

– Ты же не просто идёшь из пункта А в пункт Б, как в задачке!

Сама она, пока я спала, успела сбежать в собор, сфотографировать витражи и гробницу Санчо Могучего.

Я чувствовала себя побеждённой, наголову разбитой, как

Роланд в Ронсевальском ущелье.

А тут ещё позвонила тётя Юля с интересным разговором:
– Знаешь, я так за тебя переживала, так волновалась! А потом услышала по радио, что к Земле приближается астероид Апофис – и мы так или иначе все погибнем через двенадцать лет. И я подумала – правильно Олька пошла в тот поход! Хотя бы мир посмотрит, пока он есть.

– Это паломничество, тётя Юля, – поправила я. Мы как раз спускались вниз по каменистой дорожке. Вышло солнце, и жёлтый знак, изображавший раковину, впервые показался мне похожим на солнечные лучи.

Белла молчала. Наверное, сердилась, что я сразу не рассказала ей про ногу – утром было некуда деваться, я при ней мазала опухоль аэрталом и надевала ортез, уже не выглядывший таким эротичным.

– Тебе нужно в больницу, – сказала Белла. – Это безумие – идти в паломничество в таком состоянии.

Нога выглядела скверно, зато болела меньше – лекарства притупляли боль. Она только ныла всё время, и мне было жаль её, как бывает жаль какое-то неговорящее существо – младенца или кошку.

В городе, когда я, тренируясь, ходила пешком на работу, процесс осложняли светофоры. Только наберёшь хорошую скорость, как тут же упрёшься в дорогу, по которой несутся автомобили. Ждёшь зелёного сигнала, ждёшь, а он никак не загорается, и в голову тут же проникают мысли, от которых

так чудесно избавляешься на ходу.

Мне нравится ходить – я бы всю жизнь куда-нибудь шла, можно даже без цели.

Мне нравится ходить, но вчера, на пути из Ронсевала в Зубири (или Сублири, не знаю, как правильно), каждый километр тянулся как десять. Когда впереди показались крыши Зубири, я подумала, что никогда в жизни не видела ничего прекраснее. Здесь есть река и старый мост. В речной воде у моста паломники испокон веков охлаждали горящие ноги. Мы с Беллой сделали то же самое.

Альберго здесь скромнее, чем в Ронсевале. Этот – настоящая общага. Мне дали одноразовую, совершенно больничную простыню на резинке – и я вновь подумала про операцию, которая ждёт меня на родине.

И ещё меня ждёт тётя Юля, смирившаяся с гибелью всей нашей планеты.

Неужели этот астероид действительно уничтожит Землю? И не будет больше ни Москвы, ни Екатеринбурга, ни этого моста, ни реки, ни маминой могилы?

Утром Белла разбудила меня на рассвете – извинилась шёпотом и сказала, что дальше мне придётся идти одной. И святой Яков, и начальница в Ньоне ждут, что она должна пройти весь маршрут до 13 мая.

Я и не думала, что можно за каких-то два дня так привязаться к человеку.

Мне уже её не хватает.

День десятый. Пуэнте-ла-Рейна

Я начинаю привыкать. Вхожу в ритм. Втягиваюсь. Рюкзак я, как выяснилось опытным путём, собрала неправильно – старалась брать только нужные вещи, но всё равно прихватила много лишнего и теперь избавляюсь от балласта. Вчера в Памплоне выбросила тушь для ресниц, сегодня, на подходе к Пуэнте-ла-Рейна, хотела даже оставить куртку, но не решилась – во-первых, жалко, во-вторых, по прогнозу всю следующую неделю будут идти дожди.

На пути время от времени встречается чужой балласт – сношенные ботинки попадают чуть ли не на каждом километре: стоят на камнях вблизи дорожных указателей, висят на деревьях, как в сказке про обувное дерево.

Я иду одна. Если вставать рано, то можно застать каминно почти пустым – первые два часа на дороге мало пилигримов. Тех, кто уходит слишком рано, в альбергах ненавидят, ведь они мешают всем спать. Внутренние часы, победив первые дни, настроились на уральское время, и у меня как минимум три часа преимущества. Иду медленно, прохожу не более двадцати километров в день – иногда даже менее.

Белла, наверное, далеко. И Джо. И кореец в левых тапках. Мне их уже не догнать.

Мама когда-то, смеясь, рассказывала мне, как она впервые почувствовала себя старой: иду, говорит, по улице, а ме-

ня все обгоняют – все-все!

А ведь она была такой быстрой в движениях: в детстве мне было не угнаться за ней, не приноровиться к её шагу... Мы всюду ходили пешком – сэкономили деньги. Даже три копейки на трамвайный билет считались бессмысленной тратой. Зачем ездить, если у тебя есть ноги?

Кстати, о ногах. В дополнение к перелому и разрыву связки на правой у меня теперь есть мозоли на левой, что придаёт походке некоторую симметричность. Опухоль на лодыжке не спадает, но и не увеличивается.

Самые счастливые часы – утром. Идёшь по холодку, в свежем рассветном тумане и думаешь, что же можно написать в графе «Цель вашего путешествия»?

У тёти Юли открылся дар звонить в самое неподходящее время. Точнее, он был у неё и раньше, но сейчас раскрылся во всём своём буйном цветении. В альбергах не так много розеток, и часто пилигримы заряжают свои телефоны в одном месте, по очереди втыкая в единственный тройник дорогие смартфоны и простенькие «раскладушки». Никто не опасается, что телефон украдут, всюду царят взаимное доверие и легкомысленная неосмотрительность. Сегодня я нашла свободную розетку и побежала (похромала) занимать очередь в душ, привычно завидуя мужчинам (они моются быстро, и после них почти никогда не остаётся столько волос, как после женщин). И вот, когда передо мной стояла всего одна немытая девушка, альберго вздрогнул от пронзительного

звонка мобильного, который я забыла перевести в бесшумный режим.

– Тётя Юля, можно я вам перезвоню?

– Как ты будешь перезванивать, если у тебя входящие бесплатно, а исходящие совсем даже нет? – удивилась тётя Юля и, кажется, скрипнула креслом, усаживаясь поудобнее. Она тоже втянулась – привыкла к моим ежедневным рассказам про камино, как к новым сериям любимой телеэпопеи. Вместе со мной скучает о Белле, которую ни разу не видела, волнуется о том, будут ли в новом альберго свободные места, и, не дыша, слушает о том, как прекрасна Памплона и какой чудесный мост для пилигримов был построен на деньги королевы в городе Пуэнте-ла-Рейна, где я сейчас и нахожусь.

К сожалению, писать каждый день у меня не получается – в Памплоне я всё время потратила на то, чтобы запастись мозольными пластырями в аптеке и прицениться к новой паре ботинок (всё-таки не купила). Набрела на магазин для пилигримов, где продают всё что угодно, кроме выносливости и смирения.

– А палку-то она тебе хоть оставила? – волнуется тётя Юля. За окнами квартиры в Строгине идёт первый в этом году весенний дождь.

Палку Белла забрала с собой. Но я и без палки уже вполне уверенно двигаюсь, к тому же новых горных перевалов в ближайшие дни не предвидится.

Очередь в душ пришлось занимать заново.

День четырнадцатый. Логроньо

Или идти, или писать об этом. Дни склеиваются в один большой день, как иностранные языки – в пластилиновый ком, прилипший к памяти. Перечитала предыдущую запись – там нет ни слова про гору Альто дель Пердон, а ведь именно на неё я смотрела три года назад, когда замышляла паломничество. Разглядывала изображение на мониторе – пилигримов прошлого, которых скульптор изобразил в несколько плоском, но всё равно выразительном облике. Кто-то идёт пешком, кто-то едет верхом на ослике. Все как один «с молитовкой», по выражению Беллы. Я тоже молюсь – как умею; иногда это помогает, а иногда злит, потому что я вовсе не уверена, что молюсь правильно и знаю, чего просить.

Ветер на этой горе воеет, как пёс в пустом доме.

Я мечтала увидеть Альто дель Пердон и её застывших в вечном движении пилигримов – была счастлива, потому что вскарабкалась на эту гору и смогла погладить каждого из них рукой, не лапкой курсора, а рассказать об этом – забыла.

Когда я иду, то чаще всего молчу – думаю обо всём и ни о чём сразу. Это очень серьёзный материал для размышлений. Если дорога пустая, пою. Обычно – песенки из фильмов, которые любила смотреть в детстве.

Мне нравился фильм «Про Красную Шапочку». Кто-то сказал маме, что я похожа на Яну Поплавскую, игравшую

там главную роль, после чего фильм стал мне нравиться ещё сильнее.

Я не разделяла Яну и Красную Шапочку, мне казалось, что это одна и та же девочка – самостоятельная, решительная, красивая. И эта песенка – «Если долго, долго, долго, если долго по тропинке... если долго по дорожке... топать, ехать и бежать!» – звучала у меня в голове долго, долго, долго после того, как по телевизору показывали фильм. Я уже тогда, наверное, задумывалась о том, как далеко можно пойти, если долго топтать по дорожке...

Я иду по дороге, которая тянется мимо бескрайних полей, – на горизонте устало машут лопастями громадные ветряки, не способные обмануть даже Дон Кихота. Ноги горят, пульсируют, стонут, на мизинце левой ступни – мозоль размером с сам палец: вечером я проткну её иголкой, как советовал опытный путешественник из видеоблога. Ортез разбух от пота. Апрель выдался жаркий, *хуже, чем летом*, говорят испанцы. Ребристые раковины попадают на каждом шагу – нарисованные от руки, напечатанные на рекламных плакатах, выбитые в камне. И жёлтые стрелы, указывающие путь, – они снова повсюду: на столбиках под грудой камней, на стволах деревьев, на стенах домов, на асфальте, если вдруг попадётся асфальт. Дорога сужается и расширяется, превращается в шоссе и становится узкой тропинкой. Я иду по дороге, мечтая о том, чтобы отлепить намертво приваренные к ногам ботинки – и вытянуться на синей койке очередного аль-

берго. Во сне я продолжаю идти – и опережаю саму себя. Во сне я догоняю Беллу и Джо, а иногда встречаю на пути маму: когда я вижу её со спины, то понимаю, что это мама, но как только мне – с огромными усилиями! – удаётся нагнать её, мама оборачивается, превращаясь в чужого человека.

Я иду по дороге вместе с Красной Шапочкой из моего детства, девочка Элли из другой сказки шагает по дороге из жёлтого кирпича. А персонажам Рэя Брэдбери запрещено было покидать тропу. И ещё кто-то поёт слегка гнусавым голосом: «Доро-о-ога без конца... Дорога без начала и конца».

Не исключено, что этот голос живёт у меня в голове – завёлся там от одиночества, как мыши в пустом доме.

Под конец второй недели (а сегодня четырнадцатый день пути) я начинаю радоваться общению с другими пилигримами, чего так явно избегала вначале.

Пилигримы бывают разные – как все люди вообще.

Опытный путешественник из видеоблога говорил, что «камино – это маленькая жизнь», и на пути можно встретить как самых прекрасных людей, так и тех, с кем не хотелось бы знакомиться, но ты вынужден преломлять с ними хлеб и спать на соседних койках.

Я отщипываю комочки от своего пластилинового английского – и отвечаю на вопросы, кто я, сколько прошла и когда стартовала (это главное, что интересуется попутчиков). На вопрос «зачем» ответа по-прежнему нет.

На привалах в редкой тени редких деревьев пилигримы

едят хлеб и помидоры. Почти все выпивают – в одной деревне я видела винный фонтан, где из краника льётся вино, как в сказке. У меня с собой фляжка для воды. Краткий отдых, разговор с попутчиком, увещательная беседа с ногой. Нога внимает уговорам и с каждым днём болит всё меньше. Куда больше проблем доставляют мозоли – видимо, и с ними придётся разговаривать.

Американец, с которым мы познакомились в альберго Вианы, посоветовал волшебную мазь от мозолей – сегодня я купила её и жду исцеления.

По жаре идти трудно. Воздух плавится, раскалённые крыши городков гудят от зноя. Обещанных дождей нет – но я не думаю, что под дождём идти легче.

Ночью в альбергах, они похожи как братья – полки для обуви, нары, место для стирки. Одни и те же страхи: а что, если мне не хватит койки, а вдруг этот мужик будет храпеть? Ночью у кого-то обязательно звонит телефон.

Я так много времени провожу сама с собой, что в какой-то момент придумываю себе спутницу.

Это моя мама. Она идёт со мной по дороге, проходит путь. Она бы справилась и, если потребовалось бы, несла бы меня на себе.

– Не даёшь девчонке свободы, – ворчала тётя Юля. – Это немножко неправильно, Ленка, так привязывать ребёнка к себе.

«Немножко неправильно» в переводе с тёти-Юлиного – «полная катастрофа». Мама отмахивается: Юль, ну вот ты роди сама, дорости до этого возраста, и потом будешь меня учить.

Тётя Юля не обижается.

Мне шестнадцать лет. Валя Попова пригласила меня на концерт известной рок-группы, а мама не отпускает, потому что «как бы чего не вышло».

«Как бы чего не вышло» в переводе с маминого – это «полная катастрофа, которую ещё можно предотвратить». Валя Попова – источник наших вечных раздоров.

Она пришла к нам в восьмом классе. Обидчивая, плаксивая. Чуть что – сразу слёзы во все стороны. Почему-то выбрала в подруги меня. Никто, кроме молчаливой Люды, никогда меня не выбирал – и я так удивилась, что даже задуматься не успела, хочу ли дружить с Вале́й Поповой: вот мы уже с ней дружим, и маму это очень расстраивает. Расстраивало до самых последних дней – когда я делала что-то не так, мама ворчала: «Ну конечно, тебя же Валя Попова воспитала, не я!»

Все её так называли – имя и фамилия шли в одной связке, как будто иначе никто не понял бы, о какой Вале шла речь.

А вот тёте Юле моя подруга нравилась – она даже передавала для неё из Москвы какие-то подарки. Значки, кажется. Или серёжки? Не помню.

Мама боролась с Вале́й Поповой всеми средствами, но

средств у неё было немного. Валины родители работали в торговле, она приносила учителям сырокопчёную колбасу и ещё какие-то деликатесы, поэтому была в школе на хорошем счету. Училась так себе, грезила о великих свершениях. Мечтала стать актрисой, потом, когда всю страну огрело гитарным грифом по голове, собралась в певицы. Я в её мечтах исполняла роль бэк-вокалистки или пританцовывала на заднем плане. Валя Попова бдительно следила за тем, чтобы я вдруг не вылезла вперёд, – все мои робкие попытки заявить о себе душились на корню.

Билеты на тот концерт достал Валин старший брат. Мы собирались поразить своей красотой исполнителей: они тут же предложат нам любовь и совместное творчество (Валя Попова не мелочилась и мечтала обстоятельно, на всю катушку).

Красота у нас была – не поспоришь. Она в те нищие годы обычно равнялась одежде – даже самая непрезентабельная внешность шла в зачёт, если её обладательница имела модные шмотки. Валя одевалась на *туше*, мне тётя Юля присылала вещи из Москвы, да и мама шила-вязала по «Бурде Моден», тоже добытой тётей Юлей. Ещё у нас были какие-то знакомые в Верх-Нейвинске, закрытом военном городе с непривычно холмистыми улицами. Верх-Нейвинск хорошо снабжался, и мы несколько раз в год приезжали туда за *дефицитами*, пролезая через дыру в заборе. Потом знакомые куда-то переехали, а без них мы проникать в город не решались.

Валя Попова разработала целый план, согласно которому мы сразу же после концерта попадали в гримёрку при помощи знакомого звукаря (или осветителя?). Солист (Валя метила в него, а мне предназначался кто-то из рядовых музыкантов), ослеплённый вельветовыми джинсами Raffle, упадёт к Валиным ногам и предложит ей место в своём сердце и коллективе. Ну и я, на заднем плане, с маракасами, буду невнятно подпевать... Я требовалась Вале Поповой, потому что прийти одной за кулисы было вроде как неприлично, а вместе – вполне нормально.

И тут моя мама сказала: нет, ты не пойдёшь ни на какой концерт, я слышала про эту группу, что все они там наркоманы! Одним махом взяла и разрушила наши планы!

– Шагу ступить без своей мамочки не можешь! – обиделась Валя.

Сейчас, когда мои дни меряются исключительно шагами, которые я прохожу без мамы, эти слова звучат совершенно иначе. Но тогда, услышав их, я обиделась не на Валю Попову, а на маму – в самом деле, почему я должна во всём её слушаться? Только потому, что не представляю своей жизни без неё? Потому что – пионерский лагерь, широко раскрытые руки, ребристая раковина?..

Валя Попова стала первой, кто посягнул на святость наших с мамой отношений. Когда я привела её домой, стесняясь тех самых светильников, похожих на груди святой Агаты, Валя спросила:

– А где твой папа?

Папы никогда не было, и дедушки тоже. Женщины моей семьи вот уже несколько поколений обходились без мужчин: жили с матерями, рожали поздно, всегда и только – девочек. Я смутно догадывалась, что это «немножко неправильно», но ничего другого не знала и не могла представить себе в нашем женском доме мужчину. Валя Попова жила *в полной семье*, обожала отца и слегка презирала маму («она у нас женщина простая»), крепко дружила с братом. Наша квартира, где можно было ходить в нижнем белье, где не было самодельных панно из сигаретных пачек и заклеенных этикетками от пива кухонных дверей, поразила её до глубины души.

– Тоже одна рожать будешь? – деловито спросила Валя, проводя пальцем по стопке альбомов с репродукциями, как будто пересчитывая их.

Я ступешалась, не зная, что сказать. Валя Попова задавала вопросы похлеще, чем в том альберго, где меня озадачили в первый день пути.

Когда мама запретила идти на концерт, мы с ней впервые поссорились. Она спрятала мои туфли, и я, сбежав из дома, пошла на концерт в разбитых старых теннисках. Валя Попова заставила меня переобуться. Дала свои лакированные туфли, с бантиками и перфорацией, которые были на полразмера меньше моего и натёрли за тот вечер мозоли не хуже пилигримских.

Валя вообще любила меняться вещами – и за это мама

критиковала её особенно.

– Как ты можешь быть настолько небрежной? – честила она меня, обнаружив в шкафу Валину блузку. – Чужие вещи даже пахнут по-другому!

Но я была настолько поработана своей дружбой с Валею Поповой, что принимала её со всеми привычками и странностями.

Концерт был хороший, жаль, что даже во время самых лучших песен, когда зал в едином порыве раскачивался, как поле с высокой травой на ветру, я думала о маме и жалела её. Наверное, она сейчас плачет, раскаивалась я, но потом переводила взгляд на счастливое лицо Вали Поповой – и понимала, что всё сделала правильно.

За кулисы мы прорвались не без труда. Вале даже пришлось слезу пустить, уговаривая охранников, – она в те годы легко плакала, как будто включала внутри себя невидимый кран. В гримёрке, куда так стремилось Валино тщеславие, обнаружился солист – в полном одиночестве, почему-то голый, лишь частично завёрнутый в красное знамя, прикрывающее стратегически важные места. Был то ли пьян, то ли обкурен – и ничем не напоминал лихого героя, полчаса назад скакавшего по сцене со стойкой микрофона наперевес.

– О, девчонки, – без всякой радости отметил солист, но тем не менее гостеприимно откинул знамя в сторону. Вот так я впервые увидела голого мужчину. А через минуту нас выгнал из гримёрки коротконогий и очень волосатый человек

в шортах – *директор коллектива.*

Валя Попова не расстроилась – на пути домой она разрабатывала новую стратегию покорения мира и, подбадривая, тыкала меня локтем под рёбра: не журишь, и тебе что-нибудь перепадёт! Я с новой силой раскаивалась: стоило ли обижать маму ради того, чтобы стать тенью Вали Поповой? Туфли так натёрли мне ноги, что я сняла их и от трамвайной остановки шла до дома босиком.

Мама ждала нас во дворе. Кинулась мне навстречу, хотела ударить, но потом обняла и заплакала.

– Елена Петровна, я не понимаю, чего вы так беспокоитесь? – удивилась Валя.

– И никогда не поймёшь, – отбрила её мама.

Она предчувствовала, что с Вале́й Поповой в мою жизнь входит много такого, от чего ей хотелось меня уберечь, – боролась с ней не на жизнь, а на смерть. И в конце концов победила.

Темнеет. Пилигримы ложатся спать.

Логроньо – большой красивый город, столица земли Лариоха. Славится винами и овощами. Про овощи ничего сказать не могу, а вот вина попробовала в избытке – поэтому, наверное, и вспомнила столько лишнего. В памяти эти подробности лежат на самом дне, но вино взбаламучивает их и выносит на поверхность. Пускай улягутся с миром.

И я тоже лягу. Завтра мне рано вставать – сегодня прошла возмутительно мало.

День пятнадцатый. Нахера

Пилигримы, как я уже сказала, бывают разные.

Одни идут медленно, избегают жары и останавливаются на ночь в первом же попавшемся альберго (даже если день ещё гудит, шумит, стрекочет цикадами).

Другие торопятся, обгоняют, бросая на ходу «буэн камино», словно камушек в траву.

Одни курят анашу, другие пьют вино на привалах. Я видела паломников, которые не идут, а бегут, и таких, что еле тащатся. Кто-то хочет разговаривать, кто-то молчит и делает вид, что люди не интересны ему как вид.

Сегодня, на подходе к городу На́хера, над именем которого поглумился даже самый ленивый русский, со мной поравнялась женщина лет пятидесяти. Шумно глотнула из фляжки и представилась:

– Соледад.

По-испански – «одинокчество». Соледад сказала, что у них в Аргентине это имя очень популярно. «Мария де Соледад» – один из титулов Мадонны.

– Можешь звать меня просто Соль.

Но мне больше нравится Соледад. Здесь нет ни одной рычащей мужской буквы, зато чувствуется сила и какое-то высокое смирение.

Моя спутница – одинокчество. Забавно, что появилась она

в тот момент, когда я осознала, что вовсе не одинока на пути. Вот уже несколько дней со мной идут мама, тётя Юля, Валя Попова, полуголый солист известной группы, Яна Поплавская, девочка Элли, бескостный Леонид и другие люди, забытые и незабвенные. То отстают, то снова нагоняют... Мы переходим по мостам мелкие реки, отдыхаем в тени деревьев, смотрим на виноградники, исцарапавшие холмы, считаем памятники пилигримам, ракушки и жёлтые стрелы.

Соледад появилась именно тогда, когда я обжилась в своём одиночестве, населённом болтливыми тенями.

Она не задаёт вопросов, больше молчит, чем говорит, но молчание её не утомительно.

Соледад коренастая, загорелая. Волосы у неё блестящие и чёрные, как винил. Она не в штанах, как большинство пилигримов, а в длинной юбке и высоких ботинках. На голове – шляпа. Сзади на рюкзаке висит ракушка, привязанная за шнурок.

Я рассказала Соледад, как переводится с русского название города Нахера – древней столицы Наварры.

– То есть это можно перевести как «зачем»? – уточнила моя спутница.

Зачем – это не только про камино де Сантьяго, но и про всю мою жизнь. Про любую жизнь. Про жизнь вообще.

Зачем привязывать к себе человека морскими узлами, если знаешь, что оставишь его однажды – и он будет выживать в одиночестве? Вопрос к маме.

Зачем отбирать у своего ближнего единственную ценность, чтобы, повертев её в руках, счесть ненужной – и выкинуть в помойку? Вопрос к Вале Поповой.

– Зачем ты свернула здесь? – кричит Соледад. Вопрос ко мне. – Альберго вон по той улице! Но сначала зайдём в храм.

Нахера славится монастырём Санта-Мария ла Реаль, похожим на неприступную крепость. Это здание – как истинная вера, окаменевшая за долгие века. Соледад привычно окунает пальцы в чашу со святой водой.

В монастыре погребены короли и принцы Наварры, Леона, Кастилии. Покойники, изваянные из камня, лежат поверх собственных саркофагов расслабленные, как во время глубокого сна.

– Точно как пилигримы в альберго, – шепчет Соледад.

Я узнаю святых и кланяюсь им, как добрым знакомым, – вот Пётр и Павел, вот Джироламо в шляпе, вот и наш Сантьяго. Чудотворная статуя Мадонны почему-то выглядит индианкой: деревянная статуя ярко раскрашена, чёрные брови, улыбка...

Соледад молится.

Когда мы пришли в альберго, клетушки с обувью были забиты до отказа. Но Соледад упрямо втиснула свои ботинки рядом с чьими-то разбитыми кроссовками – и через пять минут махнула рукой от стойки администратора: разувайся!

И вновь каким-то чудом нашлось два места. «Ну так я же помолилась», – объяснила Соледад.

Мне досталась нижняя койка, и я только что со всей силы ударилась головой о верхнюю, где ойкнул ни в чём не повинный сосед. Расстояния от нижней полки до верхней во всех альберго очень маленькие – и я прочувствовала это собственной макушкой.

Возможно, то был знак, что хватит писать на сегодня – завтра нам рано вставать. Нам – это мне и Соледад. Мы решили объединиться хотя бы на время, а там посмотрим.

День девятнадцатый. Бургос

Чаще всего мы с Соледад говорим о ногах. Вспоминаем пословицы, поговорки, стихи и сказки, где фигурируют ноги. Соледад собиралась стать монахиней, но потом передумала, вернулась в мир. Выучилась на врача-ортопеда (ноги – её профессия, какая отличная попутчица, прямо Бог послал, воскликнула вчера тётя Юля). Соледад из очень простой семьи, её мама даже читать не умела. Живёт в пригороде Буэнос-Айреса. Муж умер, детей нет. Больше нет – единственная дочка погибла при пожаре. Её звали Мария Франциска.

На правой руке Соледад – следы глубокого ожога. Она в любую погоду носит одежду с длинными рукавами.

– В ногах правды нет.

– Дурная голова ногам покоя не даёт.

– Не с той ноги встал.

– Ноги в руки – и пошёл!

Было трудно объяснить Соледад смысл этой присказки, но потом она, кажется, поняла – и засмеялась. Смех у неё неприятный, похожий на приступ – я каждый раз терпеливо жду, когда он закончится. К счастью, мы обе не такие уж весёлые и смеёмся редко.

Во время трудных переходов подолгу молчим, но это хорошее молчание. Каждый плавает в своих мыслях как рыба, а потом мы выходим на сушу и заново узнаём друг друга.

Вчера целый день шёл дождь. Дорогу развезло, мы шлёпали по грязи от Атапуэрки до Бургоса. Тем не менее это был мой рекорд – 26 километров! Лодыжка почти не болит, но ортез я пока не снимаю. Соледад считает, это правильно.

В Атапуэрке видели памятник ноге – все эти памятники, поставленные вдоль камино, сделаны, видимо, одним и тем же художником: они плоские, металлические, с выемками.

Пейзаж изменился, у земли здесь плоскостопие: не нужно подниматься в горы и штурмовать перевалы.

Мы шли в дождевиках, как две живые палатки. Соледад раскрыла зонтик. Пилигримы с зонтами не ходят, но у Соледад свои правила. Это первый человек в моей жизни, которому действительно всё равно, что о нём подумают. Когда она крестится перед ужином или в храме, мне кажется, что она отгоняет от себя ладонью всё наносное, лишнее.

Мы шли по раскисшей, чавкающей дороге под проливным дождём. Небо и не думало светлеть.

В тот день много лет назад тоже шёл дождь. Я училась на первом курсе философского, Валя Попова поступила в театральный институт. Мы всё так же исступлённо дружили, и я по-прежнему играла играла вторую скрипку (все остальные инструменты и дирижёрская палочка принадлежали Вале). Я не возражала – вторая скрипка была мне по размеру.

Английский язык в нашей группе всё никак не начинался – ждали, пока преподаватель вернётся из Лондона. По тем временам это звучало совершенной экзотикой – лично я вообще сомневалась в том, что Лондон и Англия существуют на самом деле. Их вполне могли выдумать, как страну Оз или Хоббитанию, – просто для того, чтобы студентам было интереснее учиться.

Он вернулся в ноябре, вбежал в аудиторию, споткнувшись.

– За правую ногу – к деньгам! – объявил всей группе. Мы смеялись, очарованные.

Его звали Андрей Григорьевич – не имя, испытание для таких, как я, спотыкающихся о скопления согласных, как будто это не звуки, а дорожные камни. Зато сразу три «р» – настоящий мужчина!

На занятиях сидел не за столом, а на столе. Постоянно вертел в руках очки и ронял их. Носил мягкий пиджак с декоративными заплатками на локтях. Уже этого было достаточно, чтобы влюбиться, – таким он был нездешним, обаятельным, свободным. Хотелось присвоить себе все эти качества

и его самого. Хотелось, чтобы он смотрел на меня с обожанием, как на Ленку Дегтярёву, отличницу из спецшколы. Её английский – пусть и советский, архаичный – звучал на общем сером фоне прекрасным соло, и грамматика *стояла как влитая*, по выражению Андрея («Григорьевича» я отменила – сначала в мыслях, потом в реальности). У меня грамматика вообще не было – в школе я осваивала язык на ощупь, интуитивно. Выезжала за счёт хорошего слуха и симпатии учительницы. А мой пластилиновый языковой запас начал формироваться лишь в университете.

Мама чувствовала, что я опять ухожу от неё – и не ради Вали Поповой, а ради кого-то ещё более опасного, того, кто сделает мне больно, обманет, предаст, как всегда поступали мужчины с женщинами в нашей семье. При этом мама понимала, что должна позволить мне совершить ошибку, – ведь только таким способом я смогу обзавестись собственной дочкой, следующей фигурой в бесконечной партии, которую женщины нашей семьи начинают – и, теряя всё до пешки, выигрывают. Она терпела мои восторженные рассказы об Англичанине (так я называла его за глаза, чтобы не спотыкаться о тройное рычание), безропотно находила деньги на покупку книг «на языке оригинала» и спрашивала: может, мне перевестись на иняз, раз так?

Вале Поповой тоже приходилось выслушивать мои восторги, и она сразу же заметила, что у меня слёзы выступают на глазах, когда я произношу его имя.

– Что ж ты плачешь-то, если всё так прекрасно? – спросила однажды. Я не нашлась, что ответить, а теперь думаю, что те восторженные, горячие слёзы были предвестниками других, более поздних и едких.

Мы стали встречаться во время зимней сессии, первый раз были вместе накануне моего последнего экзамена. 19 января, Крещение. Машины под окном были укрыты белыми чехлами из плотного снега. Квартира Андрея – такая же необыкновенная, как он сам. Здесь повсюду стояли, лежали, валялись книги: они были не просто книгами, но ещё и мебелью, и вечерними подставками под бокалы с вином, и утренними блюдами для кофейных чашек, и средством выражения эмоций (когда Андрей сердился, то всегда швырял книгу, подвернувшуюся под руку, – любопытно, что книга всегда подворачивалась не самая ценная). Он часто сердился, был тщеславен, считал, что в вузе его не ценят. Мечтал навсегда уехать в Англию. Я замирала, представляя разговор с мамой:

– Конечно же, я поеду вместе с ним.

В университете быстро обо всём догадались. Мне завидовали. Сплетничали, что *зачёт* я нашла в постели Англичанина, хотя это было не так. Я на самом деле увлеклась тогда английским, и английский просто не мог не ответить на моё чувство взаимностью.

А потом настал тот день, когда с утра шёл дождь – и всё никак не мог дойти туда, куда нужно. Как упрямый пили-

грим к чужому святому, которого даже не знаешь, о чём попросить. Валя Попова пригласила меня на студенческий спектакль, где у неё была крохотная роль. И я позвала с собой Андрея – он держал надо мной большой английский зонт, но я почему-то всё равно промокла. Вале хватило минуты, чтобы понять, как важен для меня этот человек. И целой жизни не хватит, чтобы я ей это простила...

Не помню, когда кончился дождь. Помню, как много ночей подряд ворочалась с боку на бок, пытаюсь уснуть и путаюсь в пижаме, как в смирительной рубашке.

Англичанин не был нужен Вале Поповой, он был ей даже не интересен – Валя, как всякая юная хищница, использовала его для оттачивания собственных возможностей. Им ведь в театральном всё время говорили: зарабатывайте впечатления, личные переживания, ищите эмоции – это бесценный багаж!

С Андреем они расстались уже через месяц. Нам очень кстати сменили преподавателя – тётенька средних лет была усатой, носила парик и страшно растягивала губы в стороны, произнося как заклинание: «Winter vacation! Very well!» Да уж, действительно.

Моя пятёрка по английскому быстро скукожилась, вскоре её сменила хилая четвёрка, а окончилось всё позорнейшим тройбаном на госэкзамене.

У меня было ещё несколько романов во время учёбы – с тем самым бескостным Леонидом и парой молодых людей с

не менее мягкими именами: Илья, Алексей... Андрея Григорьевича я встретила случайно спустя многие годы на каком-то мероприятии в библиотеке – стареющий, с крашеными волосами, в татуировках, он носил серьги в ушах и зелёные штаны. Попытка ухватить уходящую молодость за краешек одежды – и получить, как змеиную кожу, лишь хлястик от модного пальто – была такой жалкой, что я сделала вид, будто не узнала его. А он меня не узнал совершенно по-честному.

Валя Попова актрисой не стала, даже институт не окончила. Она вышла замуж на третьем курсе – как тогда говорили, за *коммерсанта*. Когда мне хочется расчесать до крови старые обиды, я захожу на её страницу в «Инстаграме» и смотрю на счастливую жизнь моей подруги, расфасованную в сотнях ярких фотографий. Вот Валя на морском берегу, с дочерьми-подростками. Вот Валя и её муж отмечают двадцать лет счастливой совместной жизни в ресторане. Валя в Париже, Валя в примерочной бутика, Валя и торт, Валя и кот... Картинки сопровождаются размышлениями: «Самое главное в жизни – быть мамой», «Секрет счастья – в маленьких радостях», «Семья – то, ради чего стоит жить».

Однажды мне приснилось, что я должна поменяться с Валей Поповой местами, – от этого сна я отходила, как от сердечного приступа.

Наверное, можно было бы рассказать всё это Соледад, но мне не хватает языка и решимости. Поэтому я говорю дру-

гое: в русском языке дождь *идёт*, а не *падает*. Соледад не удивляется – она уже поняла, что русский язык не поддаётся законам логики.

Что её действительно поразило, так это что птицы у нас *сидят* на ветках. Соледад ухохатывалась, изображая, как птицы усаживаются, скрестив ноги, – «и курят».

– Почему они курят, Соледад?

– Не знаю, но, если они сидят, почему бы им не курить?

Приступ-смех заканчивается долгим протяжным стоном, к которому я уже начинаю привыкать.

Просветлело, когда мы подходили к Бургосу. Дождь иссяк. В грязи копошились бабочки. Трогательные застенчивые ослики прятали глаза.

Бургос – большой красивый город, собор здесь похож на шахматные фигуры, тесно составленные одна к одной: есть в нём что-то английское, решила Соледад. Мы безошибочно подошли к картине, украшавшей одну из капелл. Там был представлен заболевший король: у него гангрена, и ногу будут ампутировать.

– Очень кстати, – заметила Соледад.

В альберго вместе готовят общий ужин, потом читают молитву, едят и знакомятся. Напротив меня сидели две совсем юных китайки, которые делают по 40 километров в день. Имён я не запомнила, но одна из них с гордостью рассказывала, что принадлежит к народности мяо:

– Нам всегда можно было рожать по двое детей!

Вторая китайка (из народности хань, самой многочисленной в Китае) внезапно развела руками, задев итальянку Софию, которая возмущённо рассказывала другим пилигримам о странном поведении своего американского друга. Он приехал к ней на озеро Комо и развеял прах своей жены у неё в саду, потому что в завещании жена просила похоронить её где-нибудь в Европе.

– Представляете, – кипятилась София, – он вышел с урной в сад – и развеял свою жену так, что она висела на всех моих плодовых деревьях!

Пилигримы смеялись и ужасались, а друг Софии, мужчина с мушкетёрской бородкой, утешал её:

– Я тебя никогда не развею!

Соледад с нами не ужинала: купила где-то сэндвич и теперь давно спит. Я же долго наслаждалась тем, что слушала разговоры пилигримов, чужих людей с чужими проблемами, – они давали мне ощущение какой-то странной безопасности. Я как будто терялась среди них, размывалась, как дорога под дождём, и в то же самое время была важной частью, которой нельзя найти замену.

День двадцать третий. Фромиста

Тема ног поистине неисчерпаема. В ней мы черпаем силы для того, чтобы идти, она спасает от рваных пауз в разговорах, и даже когда мы с Соледад молчим (за себя это могу

сказать точно), то вспоминаем всё новые и новые истории про ноги.

Сегодня на привале я снимала ботинки, кажется, намертво приваренные к коже, – Соледад с сочувствием наблюдала этот процесс и потом сказала:

– Испанский сапог.

В Средневековье была такая пытка, когда ноги несчастных арестантов зажимали в железных тисках, предварительно разогретых в печи. Вряд ли кто-то из моих знакомых святых испытал её на себе – испанский сапог был популярен значительно позднее, в эпоху несвятых инквизиторов.

Полумонахиня Соледад – кладезь познаний. Она рассказала мне о святых Криспине и Криспиниане, покровителях сапожников, которые бесплатно раздавали беднякам обувь и не без помощи этого обращали их в христианство. О вечной девственнице Люции, рассечённой мечом, – перед казнью она успела вырвать себе глаза и отослать их обидевшему её супостату. О святом Бернарде, который водил маленького демона на цепи, как комнатную собачку, и о святом офицере Мартине, отдавшем половину своего плаща озябшему нищему... В городке Фромиста, где мы сегодня ночуем, есть старинная церковь Святого Мартина. «Вот видишь, – сказала Соледад, – осеняя себя крестным знамением, – не зря его сегодня вспоминали».

После привала вновь приходится надевать ботинки на едва отдохнувшие ноги, и вот это – настоящий испанский са-

пог.

Мы идём только вдвоём, все прежние призраки-спутники разбежались – только мама тихо следует за нами, как Эвридика, да тётя Юля звонит именно в тот момент, когда я наконец-то нашла кусты, чтобы уединиться. Это действительно талант!

– А у королевы Испании не было ног, – сказала Соледад.

– Как это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.